

Французская революция, опрокинувшая устои и представления, казавшиеся незыблемыми, предстает теперь в сознании Карамзина как событие выдающееся, но не изолированное, в ряду других: с одной стороны, оно имеет свои истоки, предпосылки, с другой — влечет за собой следствия, целую цепь новых событий. Такая точка зрения проявилась уже в статье Карамзина 1797 г., напечатанной для журнала «Spectateur du Nord». «Французская революция, — писал здесь автор «Писем русского путешественника», — отнесится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел» (II, 152).

Взгляд на современность как на один из этапов развития человеческого общества давал новые возможности Карамзину как художнику. Писатель отходит от прежнего принципа изображения прошлого. Хронологическая дистанция, разделяющая старину и нынешнее время, приобретает новый смысл: раньше старина нужна была для более полной характеристики «нашего просвещенного времени», старина представлялась областью для игры авторского воображения, теперь она интересует писателя прежде всего сама по себе, как некая объективная данность. Теперь Карамзин стремится понять характер и значение этой «связи времен» прежде всего на материале отечественного прошлого. В «Вестнике Европы» (1802—1803) отчетливо проявляется новая тенденция в творчестве Карамзина: предпочтение не мифа, а исторического факта.

Если в период «Московского журнала» Карамзин подчеркивал прежде всего «приятность» книги Бартелеми, то теперь, в рецензии на русский перевод «Анахарсиса», издатель «Вестника Европы» пишет об авторе: «Читая книгу его, мы видим и слушаем греков, пространство времени исчезает, и глубокая древность является нам в блеске и свежести настоящего».³²

В статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» (1803) писатель рекомендует художникам изображать тех героев прошлого, существование которых подтверждено историческими свидетельствами: «Если бы Гостомысл был в самом деле историческим характером, то мы, конечно бы, захотели его изображения; но Нестор не говорит об нем ни слова» (II, 190). Миф не отвергается, но отношение к нему становится принципиально иным: сам миф воспринимается как порождение своей эпохи. «Во всяких старинных летописях есть басни, освященные древностию и самым просвещенным историком уважаемые, особливо если они представляют *живые черты времени*. . .» (II, 190).

Карамзин стремится понять особенности русского национального характера, сформировавшегося в течение многих веков. Возвращение к прошлому опять-таки помогает понять настоящее, предугадать будущую судьбу своего народа. Знаменательны за-

³² Вестник Европы, 1803, ч. 10, № 13, с. 57—58.